

ГЛАВА 1: Поехали, нахрен!

Я продукт яиц Дона Смита.

Это необходимо установить и признать первым же делом. Не только потому, что все мои достижения в жизни из-за этого будут казаться еще круче, но еще, потому что папины яйца, по моему мнению, слишком редко чествовали. Если не считать того внимания, что уделяла к ним мама, то мне кажется, их роль в моем становлении несколько недооценивается. И, разумеется, мама никогда не восхваляла папины яйца в книгах, так что это можно считать настоящим переворотом в семье Смитов с Джексон Стрит, 21, Хайлендс, Нью-Джерси. Хотя, если бы вы могли спросить у моего отца, то он вероятней всего бы признал, что пусть это и лестно, когда твои яйца помещают в книгу, но поместить их в рот моей матери было бы лучше.

Людям нужно регулярно напоминать, что изначально они были спермой. Не с целью обидеть или унижить их достоинство, совсем наоборот – я говорю людям, что они были спермой, в знак своего благоговения перед самым их существованием, типа одобрительно хлопаю их по спине. В нашей жизни нет неудачников, потому что все те из нас, кто родился – это невъебренные победители.

Поразмыслите над этим: когда я поступал в киношколу, в то время существовала обманчивая статистика, что в киношколах учится больше студентов, чем в юридических вузах. Это был один большой бассейн карьеристов, которым пришлось пролезть в сувенирную чашку полную возможностей и ждать на другом конце радуги. Ворваться в кинобизнес? Не волнуйтесь, капитан Соло, даже С-ЗРО не сможет рассчитать ваши шансы. С тем же успехом можно пытаться ориентироваться в астероидном поле.

И это то, с чем люди тебя поздравляют: с тем фактом, что ты – обычный, нормальный ты – нашел лазейку и прошел в клуб. Ты можешь видеть свое имя в огнях и что ни говори, это впечатляет. Но я напоминаю людям, что мое самое впечатляющее достижение, как и их (как и твое, дорогой читатель) – это то, что мы обошли миллиарды сильных соперников за право занять место на работе под названием «жизнь». Хуев мудака становится популярным в Санденсе. Являясь единственным продуктом неосторожного семяизвержения моего папаша, я каким-то образом выжил внутри мамы, победив Кургана и став Горцем. Останется только один (только если это не двойня, тройня, четверня и пятерня – уроды и монстры детского мира). Всякий раз, когда мне говорят, что я толстый, я отвечаю: Я не всегда был таким. Судя по всему, в определенный момент своей жизни я был достаточно стройным, чтобы выплыть из легиона сперматозоидов. А сейчас я, как и любой другой бывший спортсмен, просто радуюсь жизни: Я уже поднял над головой свой кубок, так что теперь отъебитесь и дайте мне пожрать бекона с пирожными (может быть, даже то и другое сразу).

Вы победили целые ящики с носками, полные мертвой спермы, у которой не было никакой возможности добраться до цели. Каковы шансы, что вы окажетесь в яйцеклетке, а не в салфетке? Астрономически малы.

Некоторые, возможно, рассматривали яйца Дона Смита просто как немых свидетелей мастурбационной войны моего отца против его члена, но только не Грейс Шульц. Мама увидела в папиных яйцах потенциал. Она увидела своих нерожденных детей не в его глазах, а в общих чертах рассмотрела их в самых укромных ямочках и трещинках его яичек. И из всех снарядов, которые отец выстрелил во время своего кратковременного пребывания в этом секторе галактики, я оказался в том, что попал в цель. И более того, я не сгорел заживо, как Энакин Скайуокер на лавовых берегах маминих гениталий. Я, вы... Мы все –лучшие из миллиардов.

Можете смеяться, но все эти разговоры про кончу являются первым и важным шагом на пути к самореализации. На хуй Тони Роббинса, вы действительно хотите вдохновить людей? Тогда напомните им, что они уже сделали невозможное, так что следующее за этим существование – это всего лишь круг почета, который они могут сделать, как им заблагорассудится. Ты начинаешь эту рискованную жизнь безусловным победителем. Нет нужды лишней раз напрягать себя. Трать свое время на отдых после единственного настоящего состязания в твоей жизни: Ты против миллиарда других претендентов.

Дон Смит был хорошим человеком, и я в долгу перед ним и перед своей мамой, Грейс. Она – это все, что у меня есть. Но папе я должен, наверное, чуточку больше. Потому что вся моя жизнь была реакцией на его жизнь, правда. Но, к счастью, не так, как в каком-нибудь учебнике, призывающем к бунту. В самом начале, я буквально реагировал (яичко) на его действия (секс с мамой). Кроме того, он работал в Почтовой службе США и ненавидел ее как джихадист. Большинство людей ненавидят свою работу, это правда, но мой старик презирал ее чисто Ахав и Моби (ну, или Эминем и Моби). Он никогда не говорил: «Иди в шоу-бизнес, сынок». Он попросту был живым примером того, почему стоит погоняться за своими мечтами, а не просто устроиться на работу. Я видел, насколько мой отец ненавидит работать и понял, что он был прав: работа - отстой. Если ты ненавидишь то, чем занимаешься, значит, это работа.

Но что, если перевернуть это уравнение? Папа не мог позволить себе такую роскошь, ему нужно было кормить семью и платить по счетам. Но после того, как я на протяжении 20 лет видел, как он ненавидел свою работу, я понял: если ты любишь то, чем занимаешься, это уже не работа.

И вот так я влюбился в кино.

Это было нетрудно. Практически каждую среду папа брал меня смотреть новый фильм. Утренний сеанс стоил \$1.75, а к тому времени, когда он перестал за меня платить, ценник был \$3.50. По пути в кинотеатр мы мало разговаривали, а потом, когда шли до машины после фильма, мы уже успевали поделиться впечатлениями от просмотра, поэтому по дороге домой мы тоже особо не болтали. Но это была наша тема: ходить в кино. Я никогда не думал спросить у него, для кого это больше было, для него или для меня – его толстого сына, который ничего не умел, кроме как играть с фигурками Звездных Войн и запоминать эпизоды «Лаверны и Ширли».

С папой мы не только смотрели фильмы. Он заваливал меня пластинками с выступлениями комиков, которые таскал из багажника продавца пластинок на работе, которую он так ненавидел. Там были Редд Фокс, Билл Косби и самое главное, Джордж Карлин – великий мыслитель / оратор / смешной разъебай. Карлин не только помогал преодолеть разрыв поколений между мной и отцом, для нас он стал еще эталоном телевидения. Одно из моих самых любимых детских воспоминаний – это когда мы ночью с папой смотрели «Карлин в Карнеги», когда его в первый раз запустили на НВО, тысячу лет назад.

Папа всегда был моим товарищем по телеку. Когда я был еще юнцом, он лежал на спине на полу, голова повернута через левое плечо, чтобы смотреть эту 20-дюймовую панель, которая была больше похожа на жертвенник, чем на телевизор. Я клал голову ему на живот, опираясь на локти, думая: Вот бы показали эпизод Бэтмена вместо «Боулинга за доллары». (Если вы хотите сказать «Почему же ты не отсосал член своему отцу, пока лежал на нем, ты ведь его так любил?», валяйте, не стесняйтесь. Я слышал, как может быть трудно ограничить себя в сентиментальности)

В последний раз мне представилась возможность положить голову на живот отца в день, когда он умер. Видя неподвижное тело отца на каталке в филаделфийской больнице, мне хотелось орать, но в тот момент я помню еще два чувства помимо горя: 1) явная нехватка жизни в том, что раньше было отличным парнем и 2) сожаление, что папа ушел навсегда. И это был первый раз со времен моего

детства, когда я положил свою голову ему на живот, и последний раз, когда мне представилась такая возможность. Нам никогда не хочется думать, что все когда будет в последний раз, а тем более, что это самый Последний Раз будет в последний раз. Но так как моя жизнь, по-прежнему, является реакцией на жизнь Дона Смита, я чувствую, что обязан помнить специфику смерти Дона Смита. А факты таковы:

31 мая 2003 года вся семья Смитов и их супруги пошли на ужин после моих «Вопросов и Ответов» на фестивале комиксов Wizard World в Филадельфии. Это был славный вечер, мы все болтали, смеялись, лопали за обе щеки и веселились. Моя сестра с мужем жили в Японии в то время, брат с мужем во Флориде, а мы с Джен жили в Калифорнии, поэтому моей маме редко удавалось собрать всех своих детей вместе. С таким же восторгом можно наблюдать за воссоединением Лиги Справедливости. Родители любят наблюдать за своими отпрысками, и мой отец не был исключением. Он прикончил свой филе-миньон, три Манхэттена и здоровенный кусок чизкейка в то время, как остальные все еще жевали. И чем больше мы говорили, тем сильнее он смеялся.

Я любил смешить папу. Он смеялся очень тихо, все его тело тряслось, лицо загоралось в то время, как глаза становились стеклянными, при этом он не издавал ни звука. По сути, папа смеялся ровно также, как я кончаю. Джен и маме, возможно, будет странно такое читать, но это правда. После ужина я посадил маму с папой в такси, поцеловал их обоих на прощание, чмокнул папку прямо в лоб и сказал, что утром мы с ним увидимся.

В эту ночь отец умер с криком.

Брат и мои родители снимали номер в отеле Филадельфии, когда это произошло. По словам моего брата Дона, папа разбудил мать, разметав все простыни, с криком, что он горит. У него была тяжелая сердечная недостаточность, и через несколько минут он умер.

- Что значит «с криком»? – спросил я Дона после того, как он поведал о последних минутах жизни моего отца.

- Он не ушел тихо. – ответил брат.

И меня это жутко бесило. Дон Смит заслужил спокойную, безболезненную кончину, потому что батя прожил нелегкую жизнь. Он родился с заячьей губой и волчьей пастью в то время, когда с этим еще почти ничего не могли поделать. В детстве он претерпел несколько экспериментальных косметических операций, чтобы выглядеть более или менее нормально. Его случай даже описывался в каком-то медицинском учебнике, который мне как-то раз показывала мать. Будучи подростком, он потерял целое лето на пластические операции. Детство, проведенное в бинтах, сделало его крайне застенчивым взрослым. Хотя, не слишком застенчивым. У него хватило очарования, чтобы охмурить мою маму (которая была отнюдь не легкой добычей или самой невинностью). Он вырастил трех детей на скудную зарплату почтальона – работа, которую он смиренно ненавидел. Он терпел дерьмо от своих предков до самой их смерти. Меньшее, что могла сделать Вселенная – это позволить этому парню уснуть спокойно.

Но нет, мой отец умер с криком. Жесткая хрень.

Вот тогда я и начал просыпаться. Начало лучшего Кевина Смита положила болезненная смерть его тихого героя, потому что именно тогда я понял, что жизнь – это договорная игра, в которой тебе не победить. Даже хорошие люди умирают с криком.

А теперь самая важная часть нашего разговора про сперму и моего отца. То, что вы должны помнить для того, чтобы достичь и осуществить все свои мечты в этой жизни. Пожалуйста, прочтите очень

внимательно, потому что это самая истинная вещь, которую вам может сказать незнакомец: в условиях такой безнадёги, как наша неизбежная смерть, глупо хотя бы не попытаться воплотить все самые дикие мечты в жизнь.

Хотя, позвольте-ка сделать одно значительное исключение. Если ваши дичайшие мечты – это охотиться на людей или убивать детей, то я это не вам говорю. Пожалуйста, не ищите какой-то скрытый, социопатический смысл в моих словах. Жизнь и так слишком хрупка и болезненна, поэтому не делай людям больно, мудила!

А ещё жизнь, как учил нас Джордж Карлин, - это игра с нулевым исходом. В конце мы все теряем. Мы все умираем с криком. Если это так, то почему бы нам не построить для себя рай в этом мире. Быть счастливым и довольным, так часто, как только можешь. Потому что рано или поздно бесконечность вручит тебе счет за все эти товары и услуги.

Дальше следует жесткая хрень. Жесткая хрень для прочтения, жесткая хрень для принятия. Конечно, я не переживал массового геноцида, не сталкивался с жестоким обращением в детстве, поэтому название этой книги можно считать некоторым преувеличением. Если вы хотите читать про настоящих героев и людей, переживших поистине ужасно жестокое к себе обращение, возьмите «Только, нахрен, сильные люди могут выжить». Уверяю вас, я не буду автором этого фолианта. Я совсем другой, я тот парень, который много говорит о сперме.

И сперма сейчас воспарит. На этих страницах я пишу о реальной жизни, а реальная жизнь происходит от спермы. Это единственный природный ресурс, за который мы не воюем и щедро делимся им с другими.

Вот вам совет: не спорьте. Либо последуйте совету, либо просто на него забейте, но не пытайтесь спорить. Ибо его вам дает самый ленивый и жирный уебок из всех, что я видел. Который вырос на плавленых сырках по талонам, в семье с о-о-очень средним достатком, который ещё каким-то образом нагнул вселенную, чтобы исполнить свою волю.

Так что ты теперь понимаешь уровень нашей беседы, дорогой читатель. Если тебе не хватает смелости для таких спермасуждений, то, возможно, ты не сможешь проглотить то, что я буду испускать. А если ты сплевываешь, значит, закрой эту книгу, потому что дальше мы будем говорить о жесткой хрени.